

КАПИТОН СУНГУРОВ И ЕГО ЗАПИСНАЯ КНИЖКА

В словаре «Деятели революционного движения в России» А. А. Шилова несколько строк посвящено Капитону Сунгурову. Скупая биографическая справка, почти некролог. «Сунгуров, Капитон. Род. в 1835 г. По окончании 2-й Казанской гимназии поступил студентом в Казанск. ун-т, из которого исключен в 1859 г. за участие в демонстрации на лекции Булича. Перевелся в СПб. ун-т, где был вольнослушателем. Арестован в 1863 г. за распространение землевольческ. воззваний. По постановлению выс. учр. следств. комиссии предан суду Сената, которым приговорен к годичному заключению в крепости и к высылке из Петербурга. Приговор утвержден 25 ноября 1863 г. В декабре т. г. заключен в Шлиссельбургскую крепость; в июне 1864 г. заболел психически и переведен в больницу».¹ Биография скорбная, ничем не отличающаяся от многих других биографий, прерванных тюрьмой и каторгой. Это был рядовой участник общественно-освободительного движения и начинающий литератор, успевший выступить с несколькими статьями в журнале «Время».

В собрании рукописей «Русской старины» хранится толстая тетрадь в коричневом переплете. В тетрадь переписаны ценнейшие воспоминания и письма декабристов, в частности письма Рылеева к жене из Петропавловской крепости (1825—1826), воспоминания Евг. Оболенского о Рылееве (с пометкой: «Ялутогорск, 10 апреля 1856 г.»), «Дневник достопамятного путешествия из Читы в Петровский завод 1830 года» В. И. Штейнгеля, его же заметка «Вот что значит гласность...» (1833), несколько русских загадок, собранных Штейнгелем, и т. д.² В настоящее время этот рукописный сборник не представляет значительной ценности. Большинство документов, входящих в тетрадь, теперь хорошо известно по неоднократным и проверенным публикациям. Исключение составляет заметка В. И. Штейн-

¹ Деятели революционного движения в России. Био-библиографический словарь, т. I, М., 1928, стр. 397—398.

² Рукописный отдел Института русской литературы (Пушкинский дом) АН СССР, архив «Русской старины», ф. 265, оп. 2, № 2468. Дневник В. И. Штейнгеля опубликован в сб. «Декабристы. Незданные материалы и статьи» (Под ред. Б. Л. Модзалевского и Ю. Г. Оксмана. М., 1925, стр. 128—148). В тетрадь входят также заметки Е. П. Якушкина о бумагах Рылеева (в 1862 году опубликованы в «Полярной звезде», вып. 1), известные примечания А. О. Корниловича к поэме «Войнаровский», письма Г. С. Батенькова к В. И. Штейнгелю (опубликованные в «Русской старине», 1889, т. 63), отрывки из стихотворений Державина, Козлова и Соколового. Наибольший интерес представляют списки декабристских стихотворений: «Одичалый» Г. С. Батенькова (стихотворение переписано за подписью «Г. С. Батеньков», с пометкой: «Май, 1827, Шварцгольм»), «Утренняя песнь. Из Канне. С немецкого» (обозначены год и место написания: «1827 г. Шварцгольм»). «Утренняя песнь» обычно приписывалась А. А. Бестужеву, но Н. И. Мордовченко справедливо усомнился в возможности авторства Бестужева-Марлинского; сейчас можно с уверенностью утверждать, что автором стихотворения является Г. С. Батеньков: он в 1827 году сидел в Шварцгольмской крепости, стилистическая манера «Утренней песни» типично «батеньковская». Дума «Прокаженный», входящая в тетрадь, тоже считалась стихотворением А. А. Бестужева. Как и «Утренняя песнь», дума печаталась под его именем в «Собрании стихотворений декабристов» (Лейпциг, 1862). Возможно, что эта ошибка идет от М. И. Семевского: в тетради его рукой под этим стихотворением поставлена подпись: «А. Бестужев». В оглавлении к тетради первоначально стояло «Г. С. Батеньков», потом Семевский зачеркнул его фамилию и написал: «А. Бестужев». Видимо, и Семевский колебался: Батеньков или Бестужев! В издании 1948 года («Библиотека поэта») это стихотворение выведено из состава произведений Бестужева-Марлинского. В тетрадь переписаны, кроме того, стихотворные отрывки. В оглавлении к сборнику М. И. Семевский делает приписку: «Три стихотворных отрывка, кажется, Ал. Бестужева, тут же прилет Москве и России». Стихотворные отрывки также не принадлежат Бестужеву. Наконец, в тетрадь входит стихотворение «Вдох. Перевод с польского» с точной паспортной пометкой: «Чита, 1829, 18 января». Автор этого стихотворения не указан.

геля, написанная в Петровской тюрьме. Из нее следует, что Штейнгель около 1823 года, т. е. будучи членом Северного общества, написал две записки: о крепостном праве и раскольниках. Обе эти записки остались без всякого внимания: одна затерялась в канцелярии Аракчеева, другая — в Департаменте духовных дел. Приводим заметку Штейнгеля:

«Вот что значит гласность и свобода мыслить о тех предметах, на которые правительства присвоили себе монополию. Я писал в 1823 году, если не ошибаюсь теперь, о возможности уничтожить в нашем отечестве гнусную продажу людей, не негров, россиян. Я мог ошибаться в средствах, кои мне казались легкими, безобидными для владельцев, справедливыми во всех отношениях; другие это бы исправили, сказали бы свое мнение и развили бы идею до возможности исполнения. Теперь, может быть, уже не читали бы постыдную ложь, которую, если не самих себя, то бог знает кого обманывают, — ложь, столь часто повторяемую: *Отпускаются во услужение: повар с женою, девица 18-ти лет, умеющая шить и гладить*. Я писал, говорю, писал к самому царю, сколько мог убедительно, за вопиющее человечество и за честь России; но моя бумага с надписанном монаршим: *читал* — поступила в канцелярию графа Аракчеева, как в Лету. Кто знает об ней? и будет ли когда-либо кто знать?..»

Около того же времени я изложил свои мысли о жестокости и несообразности с духом самой веры закона на богохульников и святотатцев, доставил это в Департамент духовных дел. Сказали: прекрасно, много обязаны, это нам очень кстати, — и тем кончилось. Кто из сограждан проведает, что я вступался за страждущее человечество? Лет пять спустя Тьер, если не ошибаюсь, повторил во французской палате из слова в слово некоторые мои мысли: это целый свет узнал, целый свет аплодировал!

И после этого не больно ли читать и слышать: Как французы мыслят! Как говорят! как пишут!.. а что у нас?!»³

В 1860—1861 годах письма, дневники и воспоминания декабристов еще находились под цензурным запретом, они хранились в частных коллекциях или только готовились к публикации М. И. Семевским. Для Семевского эти документы и были скопированы. Переписывал их Капитон Сунгуров.

На втором (после оглавления) листе тетради М. И. Семевский в июле 1881 года сделал памятную заметку:

«Весь сборник списан с разных рукописей в 1860—1861 гг., частью с подлинных бумаг от барона В. И. Штейнгеля, частью из бумаг Бестужевых, частью с других рукописей. Копию снимал студент СПб. университета Капитон Корнилович Сунгуров, имевший несчастье за отпечатание около 1861 г. какой-то прокламации быть заключенным в Шлиссельбургскую крепость и там умерший вскоре после заточения. Молодой человек этот был в высшей степени способный, но, к сожалению, предавался излществу в употреблении крепких напитков. Как корректор журнала «Время» (1860—1861) он обратил на себя внимание братьев Достоевских, редакторов журнала, которые с удовольствием дали место в этом журнале его филологическим заметкам».

В приписке Семевский сообщает, что сборник, составленный Капитоном Сунгуровым, в 1879 году посылался Л. Н. Толстому, собиравшему тогда материалы для замышляемого романа «Декабристы». «Настоящий сборник, в числе некоторых моих других рукописных сборников, — пишет М. И. Семевский, — был дан мною графу Льву Николаевичу Толстому, когда знаменитый и высокоталантливый романист этот обратился ко мне лично весной 1879 г., в СПб., с просьбой дать ему возможность познакомиться с материалами о декабристах. Гр. Л. Н. Толстой предполагал тогда писать роман из эпохи 1825—1826 гг., но мысль эта затем была им, к сожалению, оставлена». Тетрадь с декабристскими материалами побывала в руках Толстого; Толстой был первым ее читателем.

Капитон Сунгуров не был просто «списчиком», копировавшим для Семевского ценнейшие документы. Он и сам интересовался декабристским движением. В Центральном государственном историческом архиве (Москва) сохранилось дело «О быв. студенте СПб. университета Сунгурове, судимом за государственное преступление» (ф. 112, оп. 1, д. 48; в дальнейшем ссылки на это дело). Из следственного дела выписывается политическая биография недоучившегося студента, которого приютили Достоевские во «Времени». Полицейский надзиратель третьего квартала московской части Козицкий в июле 1863 года встретил Сунгурова на Невском проспекте. У Сунгурова, по словам надзирателя, был «озабоченный» вид, он «оглядывался в разные стороны». Короче говоря, Сунгуров навлек на себя подозрение. В доме Логиннова по Средней Мещанской, в квартире жены поручика Петровой, где Сунгуров снимал комнату, был произведен срочный обыск. При обыске была захвачена записная книжка Сунгурова. Следователи обратили внимание прежде всего на переписанные в ней прокламации «Великорусс № 3» и «Что надо делать войску», а также текст «Марсельезы» с приложением нот. На вопросы

³ Рукописный отдел Института русской литературы (Пушкинский дом) АН СССР, архив «Русской старины», ф. 285, оп. 2, № 2468, л. 87 и об.

«Откуда вы списали эти воззвания и для какой надобности? Кому принадлежат экземпляры, с которых вы списали?» Сунгуров отвечал крайне уклончиво, отговаривался незнанием («не помню», «не знаю»). Сунгуров говорил: «Оба воззвания списаны, сколько теперь помню, с печатных экземпляров, но от кого эти экземпляры были получены мною, не помню. Куда девались эти экземпляры, не знаю; они были или возвращены обратно, или уничтожены» (л. 69). Спрашивали и о «Марсельезе»: «В той же книжке вашей списаны ноты и слова песни возмутительного содержания под заглавием „Marseillaise“. Где вы списали одну и для какой надобности имели у себя?» Последовал ответ: «Эти ноты достать трудно было печатные или литографированные, и я списал их потому, что раньше слышал мотив „Марсельезы“, а списав ноты, я мог слышать эту песню с аккомпаниментом фортепьяно. Где списал, не помню. Они лежали у меня без употребления, но со временем я надеялся переписать ноты на большой лист, чтобы можно было по ним разыгрывать, и попросить кого-нибудь из знакомых разыграть ее» (л. 70).

В карманной книжке были и другие записи, оставленные без внимания следователями. Возможно, что их просто не смогли прочитать, так как почерк Сунгурова трудно разбирался. Записи эти двух родов: выписки из произведений разных авторов, полюбившиеся цитаты и собственно сунгуровские сочинения. Сунгуров выписывает из «Полярной звезды» Герцена и Огарева и общую оценку декабристского движения, и характеристику его отдельных деятелей, в частности Александра Бестужева и Каховского. Сунгуров конспектирует: «Александр Бестужев и Каховский показывали себя пламенными террористами, готовыми на ужаснейшие действия... Каховский кричал: с этими филантропами не сделаешь ничего, тут надобно резать да и только» и т. д.⁴ Вместе с записной книжкой у Сунгурова хранился акварельный портрет Каховского. Из записок Н. Бестужева, доставленных из Минусинска М. И. Семевскому, Сунгуров выписывает стихи:

При нем случилось возмущенье,
Но он явился на коне,
Провозглашая всепрощенье.
И слово он свое сдержал.
Как сохранилось в преданьи:
Лет сорок сряду все прощал,
Пока не умерли в изгнании...⁵

Ясно, что Сунгуров не просто копировал декабристские произведения для М. И. Семевского, но и изучал их, воспитывал себя на примерах прошлого, замыслил использовать воспоминания о Рылееве и декабристские стихи в своей пропагандистской работе.

До знакомства с Ф. М. Достоевским и М. И. Семевским Сунгуров принимал активное участие в студенческом движении. О нем упоминается в «Колоколе» от 1 января 1860 года (в анонимной статье «Гонение гласности и студентов», л. 60): «Тут (в XI аудитории университета, — В. Б.) прочитано г. Сунгуровым, одним из вольнослушающих Петербургского университета, письмо из Казани, объясняющее подробности и ход дела...» Во время следствия Сунгурова спрашивали: «Когда, где и с какою целью вывешивали вы объявления об истории казанских студентов, кто писал эти объявления? Был ли объявлен, где, когда и каким образом найденный в ваших бумагах листок с заглавием „Студентам Казани. Живая весть“». Сунгуров отвечал: «6 ноября 1859 года, в здешнем университете, в курительной комнате было вывешено мной объявление о казанской студенческой истории. Объявления писал я. Цель была та, чтобы прекратить ложные слухи, ходившие в то время между студентами об этой истории. За это объявление я был уволен из университета, но через год опять принят, причем с меня взята подписка, чтобы я не вмешивался ни в какие студенческие дела» (л. 72).⁶

⁴ ЦГИАМ, ф. 112, оп. 1, д. 48, л. 3 (далее: Записная книжка).

⁵ Отрывок из недошедшего до нас большого сатирического стихотворения декабриста Вас. Давыдова «Николосарос». См. статью А. Л. Дымшица «Сатирические стихотворения В. Л. Давыдова» в «Литературном наследстве» (т. 60, 1956, кн. I, стр. 283—289).

⁶ Сунгуров давал показания 14, 15 и 20 июня 1863 года в высочайше учрежденной в Петербурге следственной комиссии. На первый вопрос, касавшийся его биографии, последовал ответ: «Капитон Корнилович Сунгуров. От роду 28 лет (род. 1 марта 1835). Происхожу из купеческого звания; уроженец Вятской губ. города Малмыжа. Вероисповедания православного, на исповеди бываю, хотя и не ежегодно, и в последний раз исповедывался и св. тайне приобщался в нынешнем году, па শেষтой неделе великого поста. В настоящее время родитель мой приписался к обществу мещан Царского Села. Отец жив, родная мать умерла в 1840 году, и теперь имею мачеху. Кроме того, есть у меня брат лет восемнадцати, сестра лет двадцати трех. Есть родственники в Вятской губ. в городе Котельниче (дед по матери). Недвижимой собственности родители не имеют.

В записной книжке, отобранной при аресте, студенческая история изложена со всеми подробностями. Сунгуров сам на себя составил как бы «следственное» дело, выделив в записной книжке специальным разделом: «По делу студента Сунгурова (ноябрь 1859)». Это «Дело» начинается «Выпиской из высочайшего повеления», объявленного университетам министром народного просвещения 17 декабря 1858 года. «Выписка» гласила: «Внушить студентам, что они не имеют законного права извлекать публично своим профессорам знаки одобрения (посредством рукоплесканий и т. п.) или порицания (шikanьем, свистом, выходом из аудиторий и т. п.); что законы наши строго воспрещают всякого рода сборища и демонстрации; а потому если студенты, не вняв сему предостережению, окажутся виновными в каком-либо из означенных проступков, то немедленно будут исключены из университета, несмотря на то, какое бы ни было число виновных». За подписью ректора П. Плетнева этот приказ был вывешен в Петербургском университете. Для Сунгурова было важно сохранить для истории не сам приказ, а все, что последовало за «высочайшим повелением». 6 ноября 1859 года Сунгуров в курительной комнате Петербургского университета вывесил следующее обращение:

«Студентам-казанцам

(Живая весть)

Нашего полку убыло. В конце октября восемь человек студентов схвачены вечером на своих квартирах, представлены к губернатору (Козлянинову) и от него разосланы (ночью):

Булыгин	
Копиченко	в Сибирь
Шпловский	
Ефремов	в Пермь
Щербаков	— в Астрах. губернию, в №№ казакскую станицу
Горенбург	— в Симбирск
Аристов	— в Петербург
Пушкарев	— в Арзамас (Нижегор. губ.), —

за то что аплодировали Булычу.⁷ Все восьмеро отправлены из Казани под прикрытием жандармов, которые сопровождали их до места ссылки. Кроме жандармов, из Казани до границы города проезжала их полиция.

Что будет с осужденными завтра, неизвестно. Третьего дня Ковалевский (министр) уехал в Гатчину с докладом о деле казанских студентов государю.

Пишут из Казани: после ареста 8 означенных студентов схвачено еще 20 человек (студентов), и где они теперь, никто не знает; 8 лучших профессоров намерены подать в отставку; 180 студентов выходят из университета.

6 ноября 1859, пятница.

Второе объявление Сунгуров вывесил на следующий день, т. е. 7 ноября. В нем оповещалось о предстоящем студенческом собрании: «В четверг (12 ноября) в 12 часов, в 11 аудитории будет читаться подробный ход того дела, о котором 6 ноября была объявлена казанцам-студентам живая весть». На сходке читалось

Первоначальное образование получил дома (в Малмыже); на девятом году меня поместили вместе с покойным братом во вторую казанскую гимназию. По окончании курса в гимназии (1853) я был принят без экзамена в Казанский же университет, оттуда по желанию отца, проживавшего в это время в Петербурге, перешел в Петербургский университет. Это было в марте 1856 г. После того обстоятельства заставляли меня несколько раз оставлять университет и потом снова вступать в него; в 1859 году я поступил на юридический факультет, раньше был на историко-филологическом; был выключен за дело казанских студентов, потом опять принят, потом университет закрыли.

Квартиры я переменил довольно часто. В последнее время проживал у жены поручика Юлии Алексеевны Петровой, в Сред. Мещанской, д. Логинава № 7, кв. 32. Деньги на содержание я получал за корректуру, за переводы с франц. п. с немец., за оригинальные статьи. Холост. Под следствием не был» (л. 65 п. об.).

⁷ Студенты Казанского университета в июле 1859 года дружными аплодисментами встретили в ту пору еще либерального проф. Булыча, вернувшегося из-за границы, где он пробыл два года. Сунгуров писал в следственных показаниях: «История же казанских студентов была такого рода. Студенты собрались на лекцию проф. Булыча, читавшего в то время историю русской литературы, и по окончании лекции аплодировали профессору, чем нарушили циркуляр г. министра народ. просвещения, запрещавший студентам публично свое одобрение или порицание профессорам. Виновные, в числе восьми человек, были разосланы из Казани по месту жительства их родителей» (л. 73). О «деле с аплодисментами Булычу» в Казанском университете см.: Е. Г. Бушканец. Нелегальная поэзия революционных кружков конца 50-х—начала 60-х годов XIX века. Казань, 1961, стр. 23.

письмо казанских студентов (текст письма не приводится), затем выступил с речью Сунгуров. В записной книжке мы находим речь Сунгурова, произнесенную 12 ноября 1859 года в Петербургском университете.

«Братья.

Я перестал быть вашим товарищем по мундиру, но сердцем, но душою я навсегда им останусь.

Могу ли я молчать, когда вы собрались выразить ваше сочувствие жертвам полицейских мер? Могу ли я не послать вам слово совета, когда вы собрались не из пустого любопытства, но для того, чтоб изъяснить ваши чувства?

Но какие есть у вас средства для выражения ваших чувств? Можете ли вы воспользоваться гласностью, чтоб заклеймить поступки казанских начальств, вероятно обманывающих доверенность государя? Есть ли у вас даже простейшее право моления, право просьбы о несчастных наших братьях?

Нет! даже этого права нет у нас!..

Что же остается вам, что же остается нам всем, соединенным одним чувством уважения к правам человека?

Молчать.

Молчать — мы не можем, даже, если бы захотели.

Нам остается одно только право слова, правда не печатного, но все однако ж слова.

Воспользуемся же им для распространения того глубокого чувства любви к справедливости и праву, которое дало нам наше студенческое образование.

Только распространение этих мыслей может устранить явления, подобные казанским происшествиям. Бесправие, столь сильное против отдельных лиц, падет перед могуществом мысли.

И тогда исполнится желание нашего доброго государя: не только крепостные, но и мы будем свободны.

Свобода слова, личности явится следствием свободы труда» (Записная книжка, л. 35 и об.).

Сунгуров имел все основания выступать от лица казанских студентов и в защиту их. В Казани находился друг Сунгурова лекарь А. И. Баканин, закончивший в 1858 году курс в Казанском университете. 7 ноября 1859 года у него на квартире состоялась первая сходка студентов. Баканин и был одним из информаторов Сунгурова о казанских делах. Вскоре он переедет в Петербург и снова сойдется с Сунгуровым. Сунгурова хорошо знал профессор Шапов, стоявший во главе революционной казанской молодежи. Находясь в 1863 году в Петербурге, Шапов заболел и лечился в больнице. В записной книжке Сунгурова имеется следующая запись («31 марта, ночь»): «Сегодня первый день пасхи — глупейший день в году, праздников праздник и торжество есть торжество. Православие пьянствует, скука смертельная. Заходил утром к Шапову, во 2-й сухопутный госпиталь — па Выборгской. Теперь заметку поправляется. 20 апреля он «должен» выезжать из Петербурга... Познакомился у него с Помяловским. Хохряков-то на пять лет в каторжную работу (мне, впрочем, сказали на 9)... Какая тоска! Чем трезвее я становлюсь, тем делаюсь раздражительней» (Записная книжка, л. 31 п. об.).

Капитан Сунгуров, по словам М. И. Семевского, был «в высшей степени способным» человеком. Ф. М. Достоевский не случайно обратил на него внимание, устроив исключенного из университета студента на работу корректором в журнал «Время». Более того. Во «Времени» Сунгуров печатает свои филологические статьи и фельетоны. За подписью «К. Су—в» появилось три статьи: «Плач корректора» (1860, октябрь), «Орфографическая распря» (1862, март), «Непотребные буквы (из дневника корректора)» (1862, июль).⁸ Участие Сунгурова в журнале Достоевского

⁸ Возможно, что Сунгуров помещал свои статьи и переводы и в других журналах, в частности в «Юридическом вестнике». С издателем «Юридического вестника» Н. В. Калачевым Сунгуров был знаком и пользовался с его стороны некоторым покровительством. На вопрос о петербургских знакомых Сунгуров отвечал следственной комиссии: «Знакомых семейств в Петербурге у меня почти ни одного нет; из семейных домов, в которых я был принят, я могу указать на Н. В. Калачева, издателя „Юридического вестника“, познакомился с ним в то время, когда я занимался в Археографич. комиссии. Это было в 1858 году. Он же мне предложил поступить на юридический факультет и содержаться на его счет. Остальные мои знакомства были или с хозяевами квартир, где я нанимал себе комнату, или с своими товарищами по университету. Отношения мои с товарищами определялись нашими общими университетскими занятиями. Из лиц особенно мне близких укажу на бывшего моего товарища по гимназии и университету, ныне врача — Анатолия Ивановича Баканина. Мы с ним виделись почти ежедневно. Переписки ни с кем из прежних товарищей не имею (получил недавно из Кутаиса от князя Туманова письмо, но еще не отвечал)» (л. 66). Сунгуров не раскрывал всех своих знакомых. Квартирная хозяйка Ю. А. Петрова, например, свидетельствовала в своих показаниях, что Сунгурова «иногда посещали Баканин и Достоевский» (л. 102).

заслуживает внимания. В записной книжке — несколько страниц из «Дневника корректора» явно цензурного характера, несмотря на признание автора: «Свой дневник я назначаю для печати». «Здесь читатель увидит, что я, — пишет корректор «Времени», — могу плакать очень несмешно, что меня занимают не одни буквы да запятые». Корректор плачет не столько от тяжести труда, сколько от притеснения цензуры. В «Дневнике» приводятся соответствующие факты из цензурной истории «Времени», рассказывается о встречах с А. А. Яковлевым, тогда уже арестованным, и М. И. Семевским, на себе испытывавшем цензурные придирки.⁹

Кроме отрывка из «Дневника корректора», в записную книжку входят дневниковые записи Сунгурова, которые он вел отнюдь не регулярно, от случая к случаю. На первом месте здесь «целлюлярные попойки» и постоянные хлопоты о куске хлеба. В какой-то степени эти записи характеризуют быт разночинной молодежи, сложные отношения Сунгурова с отцом-купцом, тщетные попытки опубликовать рассказ «Темный коридор», надежды на Достоевского и т. п. Приводим из этих записей два отрывка:

«1862, 14 дек., 12 ч. ночи

Вчера отнес Достоевскому „Темный коридор“... глупо, скверно, подло, но что же делать? В других редакциях нужно еще кланяться. Черт их дери с поклонамп-то. Нельзя ли просмотреть скорее... нельзя ли поместить пораньше... Это „нельзя ли“ отвратительно.

От Достоевского зашел к старым хозяевам. Хозяйка очень больна, Наденька больна, но не очень. Больна! Не даром я продумал о ней целый день четвертого дня. Я ей сказал, что, может быть, числа 3 января я опять к ней приеду... Если статья будет принята и Достоевский даст на первый раз не меньше 25 руб., дело в пляпе: куплю разные необходимые вещи, в том числе два подсвечника, и переезжаю. Adieu, папа!

Эти поклоны отпу... Ужас! Сестра больна, а я не показываюсь. Как приедешь к нашим. череп точно сдавливает, дышать тяжело, сказать слова нельзя. Визит к нашим — чистая пытка. Вот теперь должны пойти объяснения с отцом — как же, дескать, ты обещал в декабре кончить курс, с тем и квартира тебе нанята, а экзамены не сдаешь? Ведь это конца не будет и т. д., и т. д. Разумеется, он прав, но ведь и я тоже не черт знает как виноват. В случае отец откажет, пойду к Калачеву. Январь, февраль, март, апрель — всего 4 месяца — 100 руб. Надеюсь, не откажет. Но какими глазами он будет смотреть на отца?

Сплю за лекциями. В голову почти ничего не лезет. Голова слишком занята Наденькой и статьей. А время-то как летит. Способности, на которые я с такой самоуверенностью рассчитывал, оказываются ни к черту не годными, память дрянь, просто не знаю что и делать. Бог мой, неужели я не кончу курса? К тому же во мнении некоторых профессоров я стою на видном месте как человек трудолюбивый, дельный, подающий порядочные надежды — и вдруг на экзамене — пшик!

1863, 7 января, ночь

Вчера был у старой хозяйки и формально объявил, чтобы с 10 числа она считала меня опять своим жильцом. Денег буквально ни полушки. «Темный коридор» отдал в Иллюстрацию; неизвестно, будет ли принят, что-то сомнительно. А на него все и надежды. Впрочем, есть еще надежда — на Калачева. Здесь я остался должен минимум 10 рублей» (Записная книжка, лл. 30, 31).

Особый раздел в записной книжке составляют стихотворения, распространенные в списках. Видимо, Сунгуров придавал политическим стихам и прокламациям особое значение, если он так внимательно их переписывал. Среди переписанных стихотворений — «Тятка! евоң что народу» (приписывается П. Шумахеру),¹⁰ «Двуглавый орел» В. Курочкина (у Сунгурова без последней строфы и за подписью «А. Григорьев»),¹¹ «Сказка про белого царя» (приписывается Шумахеру, у Сунгурова без обозначения автора), «Ответ» М. Михайлова и др. Стихотворение «Ответ» воспроизведено с известной припиской Михайлова («Спасибо вам за слезы» и т. д.). Обычно это стихотворение, написанное М. Михайловым в ноябре 1861 года в Петропавловской крепости (у Сунгурова точная дата: «23 ноября 1861 года»), рассматривается как ответ на стихотворное послание «Узник» (автором послания предположительно считается студент Петербургского университета И. А. Рождественский).¹² Из записной книжки Сунгурова следует, что Михайлов отвечал на

⁹ «Дневник корректора», представляющий историко-литературный интерес, приведен в приложении.

¹⁰ У Сунгурова датируется «1863, II, 9» (возможно, что это дата записи в книжку) и с пояснением: «В pendant к „Картинке“ А. Майкова». Еще одно подтверждение того, что стихотворение «Тятка, евоң что народу» направлено против «Картинки. (После манифеста 19 февраля 1861 года)» А. Майкова.

¹¹ Авторство В. С. Курочкина обосновывается И. Г. Ямпольским.

¹² Л. Ф. Пантелеев считал автором стихотворения «Узник» Н. И. Утика, видного деятеля «Земли и воли». С. А. Рейсер справедливо замечает, что «вопрос об

письмо студентов, адресованное узнику Петропавловской крепости. Письмо за инициалами «З. А.» Сунгуров приводит в записной книжке (л. 27):

«Письмо к М. Л. Михайлову

(во время его заключения)

Михаил Ларионович.

Наш братский привет Вам и наше полное и неизменное уважение к заслугам Вашим перед обществом. Мы полны веры в Вас и в грядущее время. Тяжелая участь, доставшаяся Вам на долю, не сломит Вас, и Вы скоро опять будете между нами и снова с тою же готовностью будете служить своему народу. Вот все, что мы желали и что могли выразить Вам. Пусть будет это сопутствием на Вашу дальнюю дорогу и пусть в тяжелую минуту Вашей ссылки останется Вам утешение, что есть молодое поколение, глубоко сочувствующее и уважающее Вас. Не забывайте этого. Это облегчит хоть несколько Ваш тяжелый труд.

З. А.»

Все эти произведения потаенной литературы не случайно появляются в карманной книжке. Стихотворения, как и отрывки из статьи Герцена о декабристах, соседствуют с текстами прокламации «Великорусс» и воззванием «Что надо делать войску?».

Сунгуров и сам писал стихи; правда, поэзия ему плохо давалась. Стихи его несовершенны в художественном отношении, но искренны и потому ценны для нас. Стихотворение «Свобода, равенство и братство», видимо, относится к ранним опытам, условно оно датируется 1861 годом. В самом названии — традиционный лозунг русских вольнодумцев. Однако стихотворение по своему содержанию тяготеет к «хмельным» застольным песням. На полях записной книжки Сунгуров сообщает обстоятельства, при которых это стихотворение написано:

«Стихи (?) писаны мной во 2 часу ночи 29 июня (в день Пьера и Поля) в пьяном виде. Я целый день был один, Анатолий «Баканин» блаженствовал на даче; у меня полбутылки коньяку еще было — ну с чайком и покончили, начиная с 6 часов утра. Кончили и последнюю посудину разбили... в печке, камнем [с тех пор] пить заклились значит. Посмотрим, в состоянии ли мы быть постоянно трезвыми, постоянно» (Записная книжка, л. 6 об.).

СВОБОДА, РАВЕНСТВО И БРАТСТВО

(Heres- und Cognac-Lied)

Жизнь в трезвом положении
Куда нехороша!

Как! разве нет у нас *свободы*?
Мы пьем тогда, когда хотим:
Будь радость ли, или невзгоды —
Мы все равно уж подкутим!

У нас есть *братство*: мы ведь братья,
Когда подвыпьем, господа?
Конечно, завтра, послезавтра
Прощай уж братство!.. так ведь, да?

А *равенство*... Да разве здесь
Мы не равны, что пьем поровну?
Для каждого стакан здесь есть,
И каждый пьет кому угодно,

Мы только пьяные и годны,
Чтоб быть как следует людьми:
А трезвые мы *несвободны*,
Не братья мы и неравны!..

Теперь же мы,
Пока пьяны —
Свободны мы
И братья мы
Да и равны —

Уррррра!!..

Vive liberté,
Egalité,
Fraternité!

Уррррра!!..

авторе не может считаться окончательно решенным» (см.: Вольная русская поэзия второй половины XIX века. Большая серия «Библиотеки поэта». «Советский писатель», Л., 1959, стр. 726).

Это единственное стихотворение, автором которого безошибочно можно считать владельца записной книжки.

Точно датируется в записной книжке стихотворение «В былые дни Елисаветы»: 18 декабря 1861 года. Вероятно, оно принадлежит Сунгурову, перекликаясь с его речью в защиту казанских студентов. Стихотворение написано по живым следам событий: реакционная «путятинская» реформа, закрывавшая двери в университет для разночинцев, подавление студенческой демонстрации с помощью гвардейских штыков. В стихотворении названы усмирители студенческих волнений: «шпион Шувалов» — шеф жандармов П. А. Шувалов; «глупца — Игнатьева» — генерал-губернатор Петербурга П. Н. Игнатьев; «Под предводительством Толстого преображенские штыки» — речь идет о командире роты Преображенского полка, принимавшей участие в подавлении демонстрации; «с Путятиним иная мода» — отъявленный реакционер Е. В. Путятин в 1861 году был назначен Александром II на пост министра народного просвещения.

Приводим текст стихотворения по записной книжке (л. 74 об.):

В былые дни Елисаветы
Вельможа, сердцем и умом,
Шувалов, университеты
Завел у нас в краю родном.
Теперь не то: шпион Шувалов,
Глупца — Игнатьева клевет,
Идет с толпою генералов
На приступ в университет.
И с ними, помня штурм Азова,
Шли стройно гвардии полки —
И забыли ныне снова
Под предводительством Толстого
Преображенские штыки.

В те дни великий Ломоносов
Всех к просвещенью призывал
И без матрикул и без взносов
К науке двери отворял;
С Путятиним иная мода:
Он, по обычаю попов,
Стал с медной кружкою у входа
И в шею гонит бедняков...
И бысть науке то препона.
Живем мы десять сотен лет,
Но так же, как во время оно,
В родной стране порядка нет!
XII, 18 1861

В записную книжку Сунгурова входят и другие стихи политического содержания. На л. 29 об. с пометкой «1863, 9 февр.» (первоначально «январь», затем подчеркнута) вписаны два стихотворения:

Мужайся, Русь, на подвиг бражный,
Готовься к пламенной борьбе!
Ты посмотри, какой вальжный
Становят памятник тебе.
Десятый век ты доживаешь,
Но и века тебе не в прок:
До сих пор грамоты не знаешь
И ходишь чуть не без порток.
Смотри, наедут иностранцы,¹³
Так не ударь же рожей в грязь!
И без того толкуют немцы,
Что ты до нитки пропилась.

* * *
Ты не кори меня горем-злосчастьем,
А подари меня словом участия!
Сколько лет маются все под опекою,
По миру шлятся нищим-калекою;
Князи-грабители всю истерянили,
Душеспасители ум отуманили!..¹⁴
Вот и маюсь¹⁵ я под опекою,
По миру шлюсь нищим-калекою...
Так не кори ж меня горем-злосчастьем,
А подари меня словом участия!

В заключение скажем о самом главном: Сунгурова арестовали и судили за хранение 9 экземпляров прокламации «Свобода № 1». Следственная комиссия настойчиво требовала «объяснить подробно: в каком именно месте, в какое время и при ком получили вы найденные при вас воззвания? При каких обстоятельствах они были вам переданы, какой происходил при этом у вас разговор с тем лицом, от которого вы получили воззвания, кто это лицо, какие его приметы, и почему именно вам, а не кому другому были переданы воззвания? Как вы могли принять оные, зная, что они преступного содержания? Почему вы не объявили тотчас же полиции о передаче вам воззваний и не представили их в полицию?» Сунгуров отвечал с чувством собственного достоинства и старался не увеличивать следственный материал: «Сколько теперь помню, это было у Казанского моста, днем, до обеда. Народу было не так много. Навстречу мне скорыми шагами шел какой-то молодой человек в темном пальто с рыжими баками. Поравнявшись со мной, он быстро сунул мне пачку каких-то бумаг и сам скрылся, пошел дальше еще скорее; что заставило этого господина сунуть пачку прокламаций именно мне, а не кому другому, это уже его дело. Полиции я потому не объявил о прокламациях, что не хотел, не считал нужным. Принимать прокламации мне никто запретить не может» (л. 74). Сунгурова спрашивали: «В ответ на 4-й вопрос вы показали, что получили

¹³ Первоначально: иностранцы. Полагаем, что здесь и далее Сунгуров исправлял ошибки, допущенные при переписке.

¹⁴ Карандашом пояснение: «попы».

¹⁵ Первоначально: шатаются.

прокламации от одних и передавали другим, и что называть тех лиц, от которых получали и которым передавали, не можете, потому что не помните их. Так как ответ этот нельзя признать удовлетворительным, то комиссия требует, чтобы вы объяснили положительно: какие именно прокламации, кроме названных вами («Великорусс» три нумера и Шедо-Феротти)¹⁶ вы имели у себя, кто, когда и где давал вам каждую из бывших у вас прокламаций; кому и какую именно прокламацию вы предлагали и для какой надобности, имели ли те лица, от коих вы получали прокламации, другие экземпляры, кроме переданных вами, что вам говорили передавшие прокламации лица о том, где сами они приобрели?» Сунгуров настойчиво отказывается выдавать своих сообщников, хотя не скрывает, что сам он распространял прокламации. В ответах подсудимого постоянно чувствуется непреклонность: «Удивляюсь, почему мой ответ комиссия находит неудовлетворительным. Если дело только шло об одной прокламации, тогда, пожалуй, я мог бы еще сказать, что она получена мной от такого-то; но тут дело идет о нескольких прокламациях, и чтобы запомнить, от кого я получаю каждую из них, это требует не совсем обыкновенной памяти. Кроме „Великорусс“ (три №№) и Шедо-Феротти, я читал еще воззвание к офицерам русской армии, потом прокламацию, начинающуюся словами: „Льется польская кровь“. — И еще другие, которых заглавий не помню. Другим я сообщал прокламации вообще, как интересную новость. Лица, от которых я получал прокламации, никогда ничего не говорили о том, откуда они приобрели; спрашивать же их об этом я всегда считал для себя слишком дерзким, неуместным» (л. 75).

Допрос продолжался целый месяц, но он не дал никаких результатов. Следственной комиссии так и не удалось получить от Сунгурова необходимых сведений о его политических связях и тех лицах, которые снабжали его воззваниями. Председатель следственной комиссии кн. Голицын 16 июня сообщал в Министерство юстиции: «По рассмотрении высочайше учрежденного под моим председательством следственной комиссией оконченного ею производства о бывшем студенте С.-Петербургского университета Сунгурове оказалось, что у него при обыске найдено девять экземпляров воззвания под заглавием „Свобода № 1“. Сунгуров показал, что воззвания будто бы получены им от неизвестного лица на Невском проспекте, при совокупив, „что ему никто не может воспретить принимать воззвания, не представил же их потому, что не считал этого нужным“.

Из дневника Сунгурова видно, что он находился в самых близких, дружеских отношениях с бывшим студентом здешнего университета Алексеем Яковлевым,¹⁷ сосланным на каторжную работу, которому давал для чтения „Колокол“, и кроме сего, находясь в университете, Сунгуров вывешивал там объявления о беспорядках, произведенных студентами Казанского университета.

Относительно приобретения „Колокола“, равно и других запрещенных сочинений, Сунгуров отзывался заламыванием, от кого он их получил и кому давал для чтения.

На повальном обыске, произведенном здешнею полицией о поведении Сунгурова, обнаружено, что он вел нетрезвую жизнь.

По воеводданейшему моему о сем докладу государь император высочайше повелеть соизволил: бывшего студента Капитона Сунгурова за изъясненные поступки предать суду Правительствующего Сената, с тем чтобы Сенат предварительно постановил определение, должен ли Сунгуров оставаться во время суда под арестом или может быть освобожден на поручительство».¹⁸

¹⁶ Имеется в виду прокламация Д. И. Писарева «Царское правительство под покровительством Шедо-Феротти».

¹⁷ Яковлев Алексей Андреевич, принимал участие в студенческом движении. Арестован осенью 1861 года, содержался в Петропавловской крепости, но был освобожден. Вторично был арестован 10 мая 1862 года за распространение прокламаций и пропаганду в казармах среди солдат лейб-гвардейского Саперного полка и приговорен военным судом к смертной казни. Казнь была заменена каторжными работами. На каторге, в Забайкальской области, умер от тифа. Вот и все, что известно о Яковлеве по словарию «Деятели революционного движения в России» (стр. 491—492). Можно предполагать, что Яковлев и Сунгуров принадлежали к одному революционному кружку и действовали совместно. Сунгуров в своих ответах сознательно умалчивал о связях с Яковлевым, хотя не скрывал, что вместе читали «Колокол». В карманную книжку Сунгуров переписал записку друга: «Капитон К. Я был у Вольфа, у Якова Исакова, Сергея Исакова, Витепажа и Дюфура, и нигде не нашел 4-го тома *Causes célèbres*; книгопродавцы говорят, что он будет у них не раньше мая месяца. Не оставили ли вы его у Крона или где в другом месте? И к чему таскать с собою к Кроу книгу? Черт знает что такое. А. Яковлев». Записка датируется 12 февраля 1862 года. Далее следует приписка Сунгурова: «Не делай никогда для другого того, что можешь сделать для себя» (Записная книжка, л. 28).

¹⁸ ЦГИАМ, ф. 95, оп. 1, д. 105, лл. 1—2.

Остается несколько загадочным эпизод с прокламацией «Свобода № 1». Известно, что у Сунгурова было обнаружено 9 печатных экземпляров землевольческой прокламации. «Свобода № 1» начинается словами «Единственным источником всех бедствий, терзающих Россию, — есть самодержавный деспотизм...» Далее содержится прямой призыв разрушить деспотизм: «...цепи деспотизма, глубоко врезавшиеся в народный организм, должны быть разорваны».

М. И. Семевский, хорошо знавший Сунгурова, дает понять, что корректор «Времени» попал в Шлиссельбургскую крепость «за печатание около 1862 года какой-то прокламации». Мы не решаемся утверждать, что Сунгуров использовал положение корректора во «Времени» и свои связи с типографией для печатания революционных воззваний. Это было бы слишком романтично. Листовка «Свобода № 1» издана от имени Русского центрального народного комитета «Земли и воли». Руководители «Земли и воли» надеялись, что в 1863 году в России произойдет всеобщее крестьянское восстание; для возбуждения революционного энтузиазма среди молодежи они издавали прокламации (вышло два номера листовки «Свобода») и широко их распространяли. Землевольцы использовали лондонскую типографию Герцена и имели свою в Берне. Возможно, что Сунгуров не был далек от истины, когда утверждал, что 9 экземпляров «Свобода № 1» сунул ему в карман на Невском проспекте неизвестный человек. «В это прокламационное время, — вспоминал Н. В. Шелгунов, — прокламации вообще распространялись с большой смелостью и довольно открыто. Случалось встречать знакомых с оттопыренными боковыми карманами, и на вопрос „что это у вас“ получался совершенно спокойный ответ: „прокламации“, точно это какое-нибудь дозволенное и даже одобренное произведение печати. Или у вас звонят. Вы отворяете дверь и видите знакомого, который, не говоря ни слова и даже делая вид, что не узнал вас, сует вам в руку пук прокламаций и торопливо уходит с таким же инкогнито. Прокламации раскладывались в театре на кресла, в виде афиш приклеивали к стенам в концертных залах, совали, как рассказывают, даже в карманы, а про прокламацию „К молодому поколению“ говорили, что какой-то господин ехал на белом рысаке по Невскому и раскидывал ее направо и налево. С особенной смелостью распространялась и прокламация „К офицерам“. Она была распространена в христовую заутреню и, как рассказывают, раздавалась даже в церквях».¹⁹

В этих рассказах о «прокламационном времени» содержится большая доля вымысла, преувеличений — материалы политических процессов 60-х годов говорят о жестокых полицейских мерах, направленных против распространителей прокламаций. Не так-то было легко подбрасывать революционные воззвания, агитаторам часто приходилось рисковать жизнью. Но были, конечно, и такие случаи, о которых рассказывает Н. В. Шелгунов. Сунгуров тоже могли просто всунуть 9 экземпляров «Свободы № 1». Важно, что прокламации часто попадали в надежные руки. Так, Сунгурову не пришлось в голову сообщить в полицейский участок или уничтожить полученные воззвания. Он и сам сочинял воззвания к студентам, переписывал и распространял «Великорусс» и «К офицерам». Записная книжка — неопровержимое свидетельство определенных политических убеждений. Революционные демократы ориентировались на Сунгуровых, на студентов, исключенных из университета, на целую армию русских разночинцев.

Судьба Сунгурова, едва вступившего на путь революционного агитатора, совсем печальна. Его арестовали больным, с повышенной температурой. По случаю «крайне тяжелого болезненного состояния» Сунгурова перевели из лазарета тюремного замка в Обуховскую городскую больницу. Несмотря на тяжелое заболевание (чахотка), Сунгурова судили. Суд был скорый. Александр II утвердил приговор Правительствующего Сената от 11 ноября 1863 года. «Правительствующий Сенат, рассмотрев дело о бывшем студенте С.-Петербургского университета Сунгурове, определил: Бывшего студента С.-Петербургского университета Капитона Сунгурова, 28 лет, по предмету распространения им возмутительных воззваний со злым умыслом оставить в сильном подозрении, а за недонесением о получении им таких, имеющие оных и передачу другим, на основании 62, 138, 285 ст. кн. I, т. XV, св. Зак. Угол. выдержать в крепости в течение одного года, без ограничений прав, с высылкою потом из Петербурга по усмотрению министра внутренних дел».²⁰ 10 декабря 1863 года Сунгуров был заключен в Шлиссельбургскую крепость и помещен в девятый каземат. Здесь он и сошел с ума. Комendant Шлиссельбургской крепости докладывал в своем рапорте от 23 июня 1864 года: «Сунгуров 20 числа сего месяца помешался в рассудке. И так как он постоянным и сильным своим криком во время дня и ночи беспокоит и раздражает других арестованных, то я просил о переводе его из крепости в дом умалишенных».²¹ 27 июня петербургский военный генерал-губернатор отдал распоряжение о переводе Капитона Сунгурова в дом умалишенных. Из жизни выбыл еще один революционный разночинец.

¹⁹ Н. В. Шелгунов, Сочинения, т. II, СПб., 1895, стр. 703.

²⁰ Конфирмацию по делу Сунгурова см. в «СПб. сенатских ведомостях» от 13 декабря 1863 года, № 100.

²¹ ЦГИАМ, эксп. 1, № 97, ч. 66, на 6 листах.

ДНЕВНИК КОРРЕКТОРА²²

(Записки Сунгурова, корректора «Времени»)

(1862)

11 июля, ночь

Свой дневник я назначаю для печати.

Здесь, в своих записках, я перестаю быть паяцем, каким российская публика видела меня в «Плаче корректора» (сентябрь 1861), в «Орфографической расправе» (февраль 1862) и, может быть, еще увидит в «Непотребных буквах» (эта статья пока еще лежит неисправленная; она назначается для нынешней, июльской книжки). Здесь читатель увидит, что я могу плакать очень несмешно, что меня занимают не одни буквы да запятые. Скажу больше: я бы желал, чтобы в корректуре читатель увидел — и даже прежде всего увидел — человека, а не машину, без которой типография обойтись не может.

Начну с того, что такое корректор, т. е. в чем заключаются его обязанности.

Вы написали ученую статью, повесть, роман, заметку, перевели что-нибудь и отправляйтесь с своим трудом к редактору: не напечатаете ли? Редактор просматривает вашу статью, находит ее удобною для помещения в своем журнале и отправляет в типографию. Там ее набирают. Наборщики могут не разобрать иное слово, пропустить иной раз строку, две, даже три, вообще наделать ошибок, в которых они большей частью нисколько не виноваты. Из типографии ваша статья является ко мне, в печатном виде, с ошибками: это *первая* корректура. Ее «тискают» (отпечатывают) в двух экземплярах: один идет ко мне, другой к цензору. (Известно, что журнальные статьи цензор просматривает не в рукописи, а в корректуре). Вместе с первой корректурой присылается ко мне и оригинал, т. е. рукопись вашей статьи. Я обязуюсь исправить грамматические ошибки, сверяя при этом напечатанное с оригиналом. Потом в типографии исправляют замеченные мной ошибки, «тискают» статью сызнова и отсылают к редактору; это *вторая* корректура. К редактору вторая корректура посылается тоже вместе с оригиналом, но главное — с цензорской корректурой, которая к тому времени получается от цензора. Редактор прежде всего вычеркивает места, не пропущенные цензором, делает разные поправки, вставки, выпускает, что ему кажется лишним, и в то же время исправляет мои недосмотры. Труд громадный, по-видимому, но большей частью, если не всегда, он сводится просто к прочтению статьи, если, во-первых, добросовестен корректор — потому что если во второй корректуре и остались кой-какие ошибки, то они будут исправлены им в сводке, т. е. в третьей корректуре; во-вторых, нецензурные места вычеркиваются иногда в типографии; в-третьих, редактор не будет делать разных мелочных поправок в статье, автор которой известен ему по прежним сочинениям.

Редакторская корректура отправляется опять в типографию; там ее исправляют и разбивают на страницы. Как только наберется шестнадцать страниц, т. е. печатный лист, тотчас же этот лист тискают, и он является ко мне вместе со второй, т. е. редакторской корректурой: это *третья* и последняя корректура, или, как обыкновенно ее называют, — *сводка*. На этот раз я обязан сверить, все ли цензурные места выпущены в сводке (иногда они остаются по небрежности наборщиков), и исправить грамматические ошибки, недосмотренные мной в первой корректуре и редактором во второй. Этим мои подвиги и оканчиваются.

Стало быть, мой труд чисто механический. И даже не труд, а просто занятие, очень нетяжелое. Даже приятное, можно сказать. Пойдешь ошибку и закричишь: «а-а, шельма, попалась! вот тебе!» — и поправивши, точно муху на щечке прихлопнешь. Да это превесело. И сколько вы за это удовольствие получаете в месяц?

— С прошлого месяца сорок пять рублей, до тех пор получал по тридцати

— Сорок рублей! при нынешнем безденежье! и за такой, можно сказать, приятный труд!

На подобные восклицания я обыкновенно ничего не отвечаю, потому что они глупы и, в сущности, тождественны восклицаниям одной барыни, которая поминутно вскрикивала на иллюминации в день коронования государя: «ah comme c'est gentil! excellent!» — и дальше своего носу (прехорошенького, впрочем) п разноцветных фонариков ничего не видела. А, может быть, за этими фонариками сколько скрыто проклятий, побоев, зверства... А, может быть, за приятным трудом корректора сколько скрыто неприятностей, горя, постерпимое колотье в боку, кровохарканье...

При этом поневоле вспоминается мне одна милая, симпатичная, ну просто милая личность. Это Яковлев, бывший мой товарищ по университету. Способности громадные, и как молод: ему еще и девятнадцати нет. Он был у нас библиотекарем в студенческой библиотеке. Мне редко когда встречались личности, к которым так и тянет, так и тянет: до того они симпатичны. Ну просто глаз бы с них не спускал. Яковлев был для меня именно такой личностью. Я его каждый день

²² ЦГИАМ, ф. 112, оп. 1, д. 48, лл. 46—48 и об.

встречал в нашей библиотеке, слышал его разговор — мне ужасно понравился Яковлев, день и ночь я только и занят был, что Яковлевым, я влюбился, я втянулся в него, я жить не мог без него. Бог мой! что же это такое? — думаю себе. Болезнь? «Нервная раздражительность»? (Этого выражения, как не медик, я не понимаю; но что я слишком нервен и раздражителен, это знаю). Посылаю по городской почте записку Яковлеву (я даже и знаком с ним не был).

«Приходите туда-то, — писал я ему: я получил последний номер „Колокола“; посмотрите, если не читали. Жду. Приходите же непременно». Это было в конце мая или в начале июня прошлого года — хорошенько теперь не помню; помню только одно, что я в то время корректором еще не был (корректуру я стал держать с июля прошлого года). Приходит. Мы познакомились. Тут же кстати один приезжий был из Парижа — Рудаковский, еще кто-то. Вечер прошел незаметно. После этого вечера Яковлев стал бывать у меня — раз в неделю, два раза. Я полюбил его пуще прежнего, хотя, кажется, это было невозможно.

После этого я уже не мог объяснить себе своей любви к Яковлеву «нервной раздражительностью»: раздражительность, будь она хоть разнервная, не может же продолжаться целые месяцы. Значит, болезнь. А если болезнь, значит, нехудо лечиться. Но чем, как? Нет ли в Яковлеве чего-нибудь пошленького (пошлого моя мысль в нем не допускала), отталкивающего, гадкого, чего, может быть, сам он не замечает? Ничего такого не оказывалось. Случалось подметить тот-другой грешок, но ведь Яковлев не идеальное же существо, чтобы быть безгрешным. Эх, да черт побери! — объяснения-то все! — подумал я после этого, и до сих пор люблю Яковлева — без всяких объяснений.

Приходит он раз ко мне, в июле или в августе — не помню, только я сидел за корректурой. Корректировал я какую-то плоховатую, но очень мило переписанную статью; набрана отлично (наборщики у Праца великолепные), поправок мало. Яковлев спрашивает, сколько я получаю. Тридцать рублей в месяц. По его глазам (у него такие хорошенькие глаза) видно было, что он чуть не завидует мне. Он улынулся и сказал, что думал, что я получаю гораздо меньше, судя по работе. Я посмотрел на него, думаю: «ах, Лешенька, Лешенька! (вслух я называю его Алексей Андреевичем) видно, что вы не занимаетесь корректурой!» — и просто заметил ему, что бывает корректура и потруднее.

Потом как-то он пришел ко мне, когда я сидел за «Свежим преданьем» Полонского. Оригинал преподлеший, безграмотность возмутительная, помарки, списки, в типографии не разбирают... Я готов был плакать от злости, был раздражен ужаснейшим образом, бесился чертовски и непременно разругался бы со всяким, кто бы пришел ко мне в эти часы. (Это и бывало, нечего греха таить; зато после-то какая тоска на меня нападала! как мне было тяжело!) Яковлев и приходит. Куда и вся злость во мне делась... Извольте же после этого не верить в явление ангелов!

Он сообщил мне как-то новости, потом, как увидел корректуру, — «ну, говорите, да это просто смерть! И тридцать целковых в месяц!... а?»

Однако ж скоро три часа. Светать уже начинает. Сейчас кончу. Мне о многом хотелось написать сегодня, но за письмом уходит столько времени, а время летит... Кончу Яковлевым.

После студенческой истории я до декабря не видал Яковлева: он сидел и в третьем отделении (в одной комнате со Всеволодом Костомаровым), и в Петропавловской крепости, и в Кронштадте. В это время я познакомился с его матерью. Я к ней часто таскался. Об ней я ничего не скажу... незачем. Ну генеральша, жена покойного статс-секретаря Государственного Совета. Деликатная жепщина. Потом кронштадтских крепостных отпустили на волю, в том числе и Яковлева. В мае он снова взят — за то будто бы, что читал солдатам прокламации в саперных казармах. С тех пор я его не вижу...

Лешенька, Лешенька! Приведется ли нам когда опять увидеться?

12 июля, ночь

Из того, что я написал вчера, понятно кажется, что я хотел сказать: я хотел сказать, что сорок пять рублей в месяц я получаю *не даром*, что корректорский труд есть действительно *труд*.

Кроме корректуры статей, помещаемых в книжке каждый месяц, на моей обязанности лежит корректура приложений, выдаваемых подписчикам в виде премий, — например, теперь перепечатаются «Записки из Мертвого дома» (в числе четырехсот экземпляров).

Иногда мой труд пропадает совершенно даром. Прокорректируешь иную статью — и вдруг ее цензура не пропускает. Так в прошлом году в одной из последних книжек «Времени» цензура запретила довольно большую статью Бибикова о Фурье. И за что, за что? Статья была не что иное, как résumé ученья Фурье; от себя автор почти ничего не прибавил, кроме небольшого предисловия, по оно было написано больше, чем умеренно. Нет вот, не приемли имени социалистов все! Помню, что где только в статьях попадется имя Прудона, цензура возьмет да и вычеркнет. В своей статье вы можете проводить прудоновские мысли сколько вам

угодно, и они пройдут преспокойно, но имени Прудона не употребляйте. После тех пор цензура, впрочем, несколько одумалась (хоть и ненадолго), и, например, прудоновская «Теория налога» была пропущена — понятное дело, что с выпусками.

В последней книжке нынешнего года (июньской) запрещена статья П. Сокальского, того самого, который писал о музыке в России, — об остатейских крестьянах. В статье проведена та мысль, что положение *свободных* (с 1817 года) остзейских крестьян еще хуже, невыносимее быта наших крепостных.

Из последних глав «Записок из Мертвого дома» выпущена *целая глава* «Ссылыные из дворян».²³ Последняя статья Семевского «Семейство Монсов» обезображена до уродливости. Именно до уродливости, потому что самое содержание-то изуродовано. Монс был любовником (Liebhaber) Екатерины I; цензура вычеркивает изо всех статей (а их пять) все, что говорилось об интимных отношениях любовников. А между тем на этой любви и основан весь интерес статьи.

На днях как-то приезжает ко мне Семевский — именно в день выхода книжки, 2 июля. Он только что вернулся из деревни и еще не выдал июньской книжки «Времени». «Ну что моя статья?» — спрашивает. Я рассказал ему, что наделала цензура с его статьей. Видно было, что Михаил Иванович никак не ожидал от цензуры такой прыти. Он ломал руки, его лицо, кажется, вытягивалось и вытягивалось по мере того, как я высчитывал цензурные пометки. В комнату ко мне он вошел просто постником (у него очень худое лицо), а вышел от меня великому-чеником и страстотерпцем. Даже голос переменялся. Он был убит... Еще бы!

А перед отъездом в деревню в середине июня Михаил Иванович жаловался, что у него прежней энергии уж нет...

Цензура — и авторская энергия!.. Даже смешно.

В утешенье я обещал прислать ему вторую корректуру его последней статьи, отметив в пей все места, выпущенные цензурой. 5 июля получаю от Семевского по городской почте записку, из которой видно, насколько приятна была ему моя посылка:

«Благодарствуйте и благодарствуйте, мой добрый и многоуважаемый друг К. К., за посылку последней статьи моей в формах. Все они так тщательно обрезаны, в них выброски все до мельчайшего слова, что мне остается благодарить вас за внимание и вашу дружбу ко мне. Я не нашел вчера М. Г. Гаврилова в типографии. Пожалуйста, попросите его, чтоб он оттискивал скорей листы отдельных моих оттисков. Тогда уж, пересматривая оттиск, я составлю перечень опечаток и поправок с ссылкой на страницы оттиска.

Присланные вами формы я по истечении в них надобности перешлю вам через Ф. К. Сунг. Ваш друг М. Семевский».

А, например, в майской книжке не пропущена статья о пожарах...²⁴ Впрочем, последний огарок догорает, сидеть больше не с чем. Второй час. Иду завтра к редактору — денег просить, рублей двадцать, двадцать пять. Неужели откажет? Ничего нет. Главное кой-как должншки уплатить.

Не понимаю, что с типографией сделалось. Сегодня даже не присылали из типографии. Обыкновенно печатание книжки начинается числа второго, третьего — а... вот уже и тринадцатое, а до сих пор ни одного листа не напечатано. Что бы это значило? Решительно ума не приложу. Видно, цензура зашалаила. Во всяком случае эта штука плохо на мне отзовется: в последних числах месяца придется ночи просиживать, чего до сих пор со мной не случалось. Зато сорок пять рублей!..

14 июля

Вчера я не писал, потому что был пьян. На новоселье были у Нерковых, там и заночевали — с Мулловым.²⁵ Я и сию минуту пьян. Пить ужасно хочется. Вообразите: я недавно пришел, выпил четыре стакана кофею (четыре стакана!), сию минуту сижу за чаем и послал еще за боварским квасом. Ужасно пить хочется.

Я теперь в приятнейшем расположении духа. Ужасно хочется смеяться, острить. Увы! Никого нет. Хозяева спят. Написал записку брату, завтра пошлю по городской почте.

²³ Имеется в виду VIII глава («Товарищи») второй части «Записок из Мертвого дома», не появившаяся в майской книжке «Времени» за 1862 год. Цензурные материалы см.: Достоевский. Статьи и материалы. Под ред. А. С. Долинина. СПб., 1922, стр. 359—368.

²⁴ См. сообщение В. Р. Лейкиной-Свирской «Н. Г. Чернышевский и „Записки из Мертвого дома“» в этом номере журнала.

²⁵ Вероятно, П. Муллов, автор статьи «Вопрос о местах заключения арестантов в России» («Век», 1862, № 9—10).

«Христос воскрес!»

Здравствуй, Феденька, здравствуй. Ты был у меня и не застал дома. Ну да немудрено. Я вчера был ужасно пьян и теперь пьян, но не ужасно. За Половцова я просто не знаю, как тебя благодарить. Оно хоть и поздно... Статью свою («Непотребные буквы») вчера сдал в типографию. Кутим значит. Рублишков семьдесят-восемьдесят нынче получим. Из коих шестьдесят долгу. Остается двадцать — брюки купим, остатки пропьем. Я, было, хотел бросить пить, но теперь вижу и убеждаюсь, что пить — вещь очень хорошая. За Половцова тебе пять стаканов кофею. Впрочем, это будет глупо. Я просто дам тебе рубль, и ты купишь какую-нибудь душевительную книжку, вроде французской грамматики. Само собою разумеется, что придешь ко мне в воскресенье (5 августа) до обеда, и потом мы вдвоем пойдем обедать. Слышишь? Ну так приходи. Да Феденьку с собой тащи — втроем и пойдемте обедать. В Большую Конюшенную, черт подери».

